

Игумен Серапион (Митько)

Понятийный аппарат современной православной миссиологии

Содержание современной православной миссиологии в значительной степени определяется ее понятийным аппаратом. Несмотря на то, что развитие православной миссиологии охватывает сравнительно краткий период новейшей истории Русской православной церкви, процесс формирования миссиологической терминологии находится на стадии, позволяющей сделать ее предметом научного исследования. На данный момент в миссиологическом дискурсе регулярно используется более 50 понятий. Это является свидетельством достигнутого уровня развития и говорит о творческом характере разработки миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия. Вместе с тем, даже предварительное знакомство с понятийным аппаратом современной православной миссиологии выявляет ряд проблем, ставших предметом рассмотрения в настоящей статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миссиология, новозаветные концепты миссии, история миссиологической терминологии, система миссиологической терминологии, термины актора миссии, термины адресата миссии, интенциональные термины метода и контента, современная миссиологическая терминология.

Основной терминологической проблемой современной православной миссиологии является несоответствие ее понятийного аппарата основным концептам Божественного Откровения, проявляющееся в двух основных аспектах. Во-первых, несмотря на наличие достаточных оснований для обоснования миссии в Божественном Откровении, современная миссиологическая терминология не обладает прямой преемственностью по отношению к языку Священного Писания и Священного Предания. Во-вторых, инновационный характер миссиологической терминологии является результатом исторических изменений в понимании миссии. Эти изменения привели к формированию недостаточно обо-

снованных с позиций Божественного Откровения представлений о миссии.

Данные процессы имели место прежде всего в истории западного христианства. Активная проповедь иезуитов в период контрреформации, направленная не только на обращение нехристиан, но и на возвращение в Римско-католическую церковь протестантов, сопровождалась трансформацией как адресата миссии, так и ее актора. Трансформация адресата проявилась в изменении понимания конечных целей миссии; в отношении актора миссии произошла интеграция секулярных практик противодействия инакомыслию. Иначе говоря, задачи контрреформации потребовали выхода миссии за пределы ее апостольского понимания.

Терминологический конструкт “*missio Dei*” изначально употреблялся для характеристики межипостасных взаимодействий Лиц Пресвятой Троицы и Их действий в отношении сотворенного мира. В частности, так определяется послание Отцом Сына в Боговоплощении и послание Отцом и Сыном Святого Духа в духе *Filioque*. Кристофер Райт прямо пишет:

Интересно, что термин *missio Dei* (миссия Бога) в первоначальном употреблении означал действия, совершаемые внутри Троицы — Отец послал Сына в мир, и вместе они послали верующим Святой Дух [Райт, 4].

В этом же контексте возникает понятие «миссионерство» и производные от него.

Вплоть до XVI в. это понятие относилось исключительно к учению о Троице, т. е. употреблялось в связи с тем, что Отец послал Сына, а Отец и Сын послали Святого Духа. Иезуиты первыми использовали его в смысле распространения христианской веры среди людей (в том числе протестантов), не принадлежавших к католической церкви [Бош, 9].

Таким образом, основная категория, генерирующая весь комплекс миссиологической терминологии, имеет тринитарное происхождение.

В период «схоластического пленения» [Флоровский] католическая миссиологическая терминология «обогастила» язык русского православного богословия. Этому способствовала не только очевидная тенденция модернизации русского богословия по западному образцу и активная миграция малороссийского ученого монашества, получившего духовную формуацию в иезуитских

коллегиумах. Данная ситуация была обусловлена теми же объективными причинами, что и процесс создания новой миссиологической терминологии в Западной Европе XVI в.

В России церковный раскол XVII в. также привел к радикальной трансформации адресата православной миссии. Если в предшествующий период миссия Церкви была обращена прежде всего к внешнему адресату, то теперь ее основной целевой аудиторией становится экклезиологически неопределенный внутренний адресат, представленный старообрядцами и народными сектами. В этом отношении положение дел в России XVII в. схоже с ситуацией, сложившейся в Западной Европе периода контрреформации. Формирование синодальной модели церковно-государственных отношений привело к существенному ограничению миссиональной акторности Церкви интересами государства. Миссионерское служение включается в государственную политику и подчиняется ее задачам, среди которых особое место занимало стремление к преодолению разделения в обществе, порожденного церковным расколом XVII в. Борьба с расколом осуществлялась насильственными методами, не соответствующими евангельскому пониманию апостольства. Это несоответствие явилось причиной процесса трансформации базовых миссиологических концептов. Этот процесс не затронул церковей греческой традиции, которые сохранили наименование миссионерства как священноапостольства (ιεραποστολή). Причиной тому послужила не только естественность данной терминологии для носителей греческого языка, но и отсутствие объективных условий для процессов трансформации.

Именно новозаветная терминология является для православной миссиологии базовой и несет в себе важное нормативное содержание. Ее сопоставление с современной миссиологической терминологией позволяет выявить определенные отличия от исходной нормативности. Понимание этой ситуации характерно и для протестантских миссиологов.

В начале XXI столетия в миссиологии появляется большое количество понятий, далеких от библейского словаря, которые, однако, помогают видеть разницу между определенными миссиологическими концепциями или практиками [Пеннер, 40].

Скорее всего, имеются в виду терминологические инновации новейшего периода, однако автор демонстрирует и более масштабное понимание данной проблемы.

Многие миссиологические понятия входят в лексику в качестве иностранных слов или узкоспециальных терминов, так как за ними стоят определенные идеи, которые нельзя перевести однозначно с оригинального языка посредством прямого словарного соотношения [Пеннер, 41].

Признавая несоответствие понятийного аппарата современной миссиологии ее библейским основам, Питер Пеннер надеется на восстановление изначального смысла миссии, даже в ее расширенном понимании.

Исходя из Вульгаты, латинского перевода Нового Завета, выводы о понятиях *missi* или *mitto* делаются на основании одного из важнейших концептов греческого текста, который и наполняет смыслом само понятие «миссия»: ἀποστέλλω. Хотя сегодня под миссией понимается более широкое значение, нежели греческое ἀποστέλλω, такие понятия, как μαρτυρέω или εὐαγγέλιον, наряду с множеством других также включены в представление о миссии [Пеннер, 42].

Питер Пеннер приводит обширный список новозаветных миссиональных концептов, о которых будет сказано ниже.

Базовым миссиологическим термином «Деяний» является μαρτυρέω — свидетельство. В некотором смысле можно утверждать, что возникновение данного понятия в качестве миссиологического является следствием применения миссиональной герменевтики. Именно этим можно объяснить переосмысление первоначального узко юридического смысла μαρτυρέω. Современное эпохе «Деяний» значение μαρτυρέω также присутствует в тексте *1. Кроме того, μαρτυρέω употребляется в значении доброго свидетельства *2. Однако, на фоне традиционного словоупотребления, μαρτυρέω приобретает новое, миссиологическое значение.

*1 Деян 6:13; 7:58; 22:5

*2 Деян 6:3

Апостолы должны быть свидетелями Иисуса (μαρτυροει), это поручение воскресшего Христа *3. Первостепенное значение свидетелей — быть надежным и живым очевидцем жизни, смерти и воскресения Иисуса [Пеннер, 44].

*3 Деян. 1:8

Понятие μαρτυρέω и производные от него применяются также к служению святого апостола Павла *4.

*4 Деян 13:31; 23:11 и др.

Другим важным миссиологическим концептом «Деяний свв. апостолов» является понятие εὐαγγέλιον — евангелие и ряд производных от него (εὐαγγελίζω — провозглашение евангелия, εὐαγγελιστής — евангелист).

Содержание евангелия положено в основание евангелизации, и евангелистами называют тех, кто проводит это содержание в слова и передает его слушателям в свидетельстве, проповеди и учении [Пеннер, 47].

Являясь базовым условием миссии, μαρτυρέω не предполагает принятия обязательств по ее осуществлению. Только благоверствующий свидетель становится евангелистом в миссиональном значении этого слова. Этим определяется концептуальная связь данных понятий: μαρτυρέω определяет условие миссии, εὐαγγέλιον — ее содержание, εὐαγγελιστής — ее носителя, а εὐαγγελίξω — способ осуществления.

Концептуальное единство миссиологической терминологии «Деяний свв. апостолов» конкретизируется в ряде других понятий. Слово ἔργον («дело») используется в речи Гамалиила:

И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; *берегитесь*, чтобы вам не оказаться и богопротивниками *¹.

*¹ Деян 5:38–39

Термин ἔργον является важнейшим элементом новозаветного понимания миссионерского служения, так как связывает его с миссией Бога, желающего быть познанным. Эта миссия является Делом Божиим, целью которого является откровение Слова Божьего.

Дело Божье в той форме, в которой оно упоминается в Деяниях, может помочь в определении современного миссиологического понятия *missio Dei*, миссии Бога. Миссия — это Божье дело, для воплощения которого он призывает и посылает разных людей, которые ему служат свидетельством о том, что он сделал и желает совершить [Пеннер, 48].

Таким образом, слово ἔργον дополняет новозаветное понимание миссии указанием на ее актора — Бога и критерий ее истинности — соответствие Его Промыслу. Кроме того, понятие ἔργον формирует понимание практической направленности миссионерской деятельности, которая является служением не только слова, но и дела. Это понимание еще больше проясняется в свете других миссиологических концептов «Деяний свв. апостолов».

Понятие διακονία является общим термином, описывающим различные виды служений. В книге «Деяний» оно непосредственно применяется для характеристики служения апостолов:

Но я ни на что не взираю и не дорожу своей жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией ^{*1}.

^{*1} Деян 20:24

Служение апостолов, в том числе апостола Павла, не ограничивалось одной лишь проповедью Евангелия, но включало в себя создание новых церквей и благотворительность. Миссиональным смыслом наделяется также понятие *λειτουργέω* — общее дело, что указывает на соборный характер миссионерского служения и вмененность его в обязанность всем членам Церкви.

Обязанность благовествовать непосредственно проистекает из «Великого миссионерского поручения», в основе которого лежит послание Христом Своих апостолов на миссию. Питер Пеннер отмечает:

Традиционный термин “посылать” (*πέμλω*) в Деяниях в большинстве случаев применяется для выражения действий, инициируемых людьми. Для миссиологии понятие *πέμλω* чаще всего имеет оттенок выхода вовне [Пеннер, 49–50].

Как и в случае с *μαρτυρέω*, здесь имеет место переосмысление традиционных значений знакомых слов в контексте задач миссии. Однако понятие *πέμλω* оказалось для этой цели неудобным, поэтому подобная процедура была применена к термину *ὑποτέλλω*. Питер Пеннер подчеркивает:

Центральным понятием Деяний, которое могло бы помочь в достижении более близкого определения «миссии» является *ὑποτέλλω*. Это понятие чаще всего характеризует миссию, описывая не только посланников, но и действия Бога [Пеннер, 50–51].

Апостол Павел использует именно термин *ὑποτέλλω* для обозначения своей миссии как посланничества ^{*2}. Понятие *ὑποτέλλω* употребляется именно в тех случаях, когда речь идет о посланничестве от имени Бога и персонифицируется в понятии *ἀπόστολος*.

^{*2} Деян 13:4, 26; 22:21; 26:17; 28:28

Одной из особенностей термина *ἀπόστολος* («апостол») является его преимущественное употребление именно в текстах евангелиста Луки (34 раза из 79) и, особенно, в книге «Деяний» (28 раз). Кроме единственного случая ^{*3} этот термин применяется исключительно к двенадцати апостолам, что указывает на понима-

^{*3} Деян 14:14

ние уникальности апостольского служения как μαρτυρέω жизни, смерти и воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Данная особенность словоупотребления ἀπόστολος указывает на определяющий характер критерия свидетельства по отношению к призванию. Избранный на место Иуды апостол Матфий был свидетелем Иисуса Христа, однако не был призван Им Самим.

Вместе с тем апостол Павел достаточно часто (34 раза) и последовательно применяет термин ἀπόστολος в отношении себя самого. В посланиях апостола Павла происходит значительное расширение содержания и области применения термина ἀπόστολος. Несмотря на отсутствие непосредственного опыта присутствия внутри евангельских событий, встреча Савла со Христом и последовавшее за ней обращение являются источником μαρτυρέω и основанием его апостольства.

Таким образом, система миссиологической терминологии книги «Деяний» включает в себя следующие термины: μαρτυρέω — определяющее условие миссии, εὐαγγέλιον — отражающее ее содержание, εὐαγγελιστής — определяющее ее носителя, а εὐαγγελίζω — выражающее способ осуществления. Понятие διακονία определяет миссию как наивысшее служение, а λειτουργέω его церковный и соборный характер. Понятие ἔργον указывает на Бога как изначального актора миссии и соответствие Его Промыслу как критерию истинности. В соответствии с этим понятием служение Слова должно совершаться в конкретных делах. Терминология книги «Деяний свв. апостолов» через понятие ἀποστέλλω связывает миссионерское служение с Великим миссионерским поручением. Расширение значения понятия ἀπόστολος в трудах апостола Павла переносит его на миссионеров, благовествующих от имени Церкви, обладающей апостольской природой и преемственностью.

Сохранение латинской основы православной миссиологической терминологии связано прежде всего с ее лингвистической обособленностью в среде преимущественно русскоязычного понятийного аппарата. Благодаря отсутствию прямой и очевидной преемственности с новозаветной и патристической терминологией в церковном сознании может формироваться неверное представление о миссиологии как внешней по отношению к основному ядру области теологического знания. Исходя из этого, миссионерское служение также может восприниматься как факультативный вид деятельности по отношению к богослужению и духовной жизни. Этим определяется влияние инновационной

терминологии современной православной миссиологии на проблематику миссионерского служения в целом.

Следует отметить, что рассмотрение миссиологической терминологии в качестве системы носит во многом условный характер. В своем наличном состоянии понятийный аппарат православной миссиологии обладает многими чертами системности, однако не является системой в строгом логико-методологическом смысле. Впрочем, такого рода оценку следует понимать не в плане дефективности системы, а, скорее, в отношении ее незавершенности. По сути понятийный аппарат современной православной миссиологии лишь отражает существующие представления о миссии и достигнутый уровень развития миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия.

Признание подобного положения дел ставит перед нами задачу систематизации православной миссиологической терминологии. Для решения этой задачи можно предложить ряд подходов. Одним из таких подходов является распределение наиболее регулярно употребляемых терминов между актором и адресатом миссии, а также в пространстве их диалога.

К терминам актора миссии следует отнести следующие: миссия, актор миссии, миссионерство, миссионер, миссионерское служение, миссионерская деятельность, миссионерская работа, миссионерский императив, миссионерские вызовы, миссионерские возможности, миссионерская ответственность епископа, миссионерская ответственность священников, миссионерская ответственность мирян, организация миссионерской работы, синодальный миссионер, епархиальный миссионер и приходской миссионер [*Собрание документов, 368–394*].

Терминами адресата миссии являются: адресат миссии и критерии его определенности, территория пастырской ответственности, миссионерское поле, карта миссионерского поля [*Собрание документов, 370–394*].

Наибольшая часть миссиологических понятий не может быть однозначно соотнесена ни с актором миссии, ни с ее адресатом. Рассмотрение взаимосвязи актора и адресата в субъект-объектной парадигме позволяет именовать термины данной группы интенциональными. В наибольшей степени эти термины отражают методологию миссии и ее контент. Интенциональные термины методологии и контента также можно распределить по группам, отражающим несомненно более слабый характер систематизации. Общими методологическими терминами миссио-

логии являются: миссиология, миссиональный, миссиологический, миссиональная герменевтика, историческая миссиология, теоретическая миссиология, богословие миссии, принципы и методы миссионерской деятельности, практическая миссиология, нормативная миссиология, нарративная миссиология, прикладная миссиология, миссиональная апологетика, миссиональная культурология, миссиональная лингвистика (филология), миссиональная этнология, миссиональная психология, миссиональная социология, миссиональная статистика, миссиональная география.

Более узкая терминология, отражающая миссиологическую методологию и контент, формируется в области миссиональной культурологии: инкультурация, христианизация культуры, православная рецепция культуры, церковная рецепция культуры, субкультура. Вся совокупность этих терминов одновременно отражает как метод систематизации, так и распределенный в соответствии с ним миссиологический контент.

Остальные термины данной группы отражают процесс конституирования адресата миссии ее актором: внешняя миссия, внутренняя миссия, приходская миссия, информационная миссия, молодежная миссия, социальная миссия, миссия среди военных, миссия в образовательных учреждениях, миссия среди заключенных, миссия среди мигрантов, воспитательная миссия. Процесс организации и осуществления миссии в единстве метода и контента описывают такие термины, как средства благовестия, миссионерское богослужение, миссионерское образование, миссионерское служение мирян, миссионерское поручение, миссионерский отдел, миссионерский приход, миссионерский стан, миссионерский монастырь, миссионерские экспедиции, миссионерское общество.

Иной подход состоит в рассмотрении логической формы термина «миссия» и производных от него понятий. Анализ предложенного списка показывает наличие различных комбинаций их употребления в позициях субъекта и предиката. Анализ понятий, выражающих единство метода и контента миссиологии, демонстрирует определенную закономерность. При описании структуры миссиологии, для наименования более общих разделов, производные от миссии термины всегда стоят в позиции субъекта (историческая миссиология, теоретическая миссиология, практическая миссиология, прикладная миссиология). В свою очередь при наименовании прикладных разделов

миссиологии данные термины всегда стоят в позиции предиката (миссиональная апологетика, миссиональная культурология, миссиональная этнология и т. д.). Та же закономерность наблюдается в случаях экспликации более частных разделов теоретической миссиологии (богословие миссии, экклезиология миссии, эсхатология миссии, а не миссиональное богословие, миссиональная экклезиология, миссиональная эсхатология). Очевидно, в случае создания терминов по другой схеме (миссиональное богословие) происходит выведение предметной области за пределы миссиологии. В этом случае мы видим не новые разделы миссиологии, а миссионально ориентированные теологические дисциплины.

Следует отметить главную причину такой закономерности. В корне древа системы миссиологической терминологии находится понятие «*миссия*». Первыми производными его предикатами являются *миссиональный*, *миссиологический* и *миссионерский*. От понятия «*миссиологический*» легко образуются термины как в позиции субъекта (миссиология, теоретическая миссиология и т. д.), так и предиката (миссиологический дискурс, миссиологическая терминология и т. д.). В то же время от понятия «*миссиональный*» образуются термины исключительно в позиции предиката (миссиональная герменевтика, миссиональная этнология). Также следует отметить, что интернациональные термины содержат в себе понятие миссии исключительно в субъектной позиции. Этот ряд можно продолжить и в отношении таких производных от понятия миссия терминов, как «*миссионер*» и «*миссионерский*». В первом случае речь идет об индивидуализации понятия миссии, а во втором о его спецификации.

На основании изложенного можно сделать вывод, что несмотря на недостаточную системность процесса формирования, миссиологическая терминология содержит в себе внутренние элементы системы, позволяющие успешно развивать процессы ее систематизации. Вместе с тем следует констатировать, что значительная часть миссиологических понятий характеризуется неопределенностью внутреннего содержания и нерегулярностью их употребления в разных контекстах. Это порождает ряд проблем, связанных с пониманием природы и характера миссионерства на современном этапе.

Литература

1. *Бош* = Бош Д. Преобразования миссионерства : Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб. : Библия для всех, 1997. 636 с.
2. *Пеннер* = Пеннер П. Миссиология и герменевтика : Прочтение библейских текстов в контексте миссии. Черкассы : Коллоквиум, 2014. 312 с.
3. *Райт* = Райт К. Миссия Бога. Черкассы : Коллоквиум, 2015. 592 с.
4. *Собрание документов* = Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2. Ч. 1 : Деятельность Русской Православной Церкви. М. : Издательство Московской патриархии РПЦ, 2014. 656 с.
5. *Флоровский* = Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

Hegumen Serapion (Mitko)

The conceptual apparatus of modern Orthodox Missiology

The content of modern Orthodox Missiology is largely determined by its conceptual apparatus. Despite the fact that the development of Orthodox Missiology covers a relatively short period in the modern history of the Russian Orthodox Church, the process of forming missiological terminology is at a stage that allows it to become the subject of scientific research. At the moment, more than 50 concepts are regularly used in missiological discourse. This is evidence of the level of development achieved and speaks of the creative nature of the development of missiology as an independent section of Orthodox systematic theology. At the same time, even a preliminary acquaintance with the conceptual apparatus of modern Orthodox missiology reveals a number of problems discussed in this article.

KEYWORDS: Missiology, New Testament mission concepts, history of mission terminology, system of mission terminology, terms of the mission actor, terms of the addressee of the mission, intentional terms of method and content, modern mission terminology.

References

1. Bosh D. (1997). *Transformations of missionary work: Paradigm shifts in theology of missionary activity*. Saint Petersburg : Bibliia dlia vseh (Russian translation).

2. Florovskii Georgii, archpriest (2009). *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian Theology]. Moscow : Institute of Russian Civilization (in Russian).
3. Penner P. (2014). *Missiologiia i germenevtika : Prochtenie bibleiskikh tekstov v kontekste missii* [Missiology and Hermeneutics : Reading Biblical Texts in the Context of a Mission]. Cherkassy : Kollokvium (Russian translation).
4. *Sobranie dokumentov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, t. 2, ch. 1 : Deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Collection of documents of the Russian Orthodox Church, t. 2, part 1: Activity of the Russian Orthodox Church]. Moscow : Moscow Patriarchate Publishing House (in Russian).
5. Wright C. J. H. (2015). *The Mission of God : Unlocking the Bible's Grand Narrative*. Cherkassy : Kollokvium (Russian translation).